

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-4

Российское китаеведение: современное состояние и основные проблемы

Андрей Владимирович ВИНОГРАДОВ

доктор политических наук, руководитель, Центр политических исследований и прогнозов

Институт Дальнего Востока РАН, 117997, Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация;

профессор

Российский университет дружбы народов, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация

E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6080-4464

Артём Игоревич КОБЗЕВ

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник,

Центр изучения языка, литературы и культуры России

Хэйлунцзянский университет, 150080, р-н Наньган, ул. Сюэфу, д. 74, Харбин,

Китайская Народная Республика;

заведующий отделом Китая

Институт востоковедения РАН, 107031, ул. Рождественка, д. 12/1, Москва, Российская Федерация;

директор, руководитель, Учебно-научный центр гуманитарных и социальных наук, департамент философии

Национальный исследовательский университет «Московский физико-технический институт», 141701, Институтский пер., д. 9, Долгопрудный, Российская Федерация;

руководитель, Учебно-научный центр «Философия Востока»

Российский государственный гуманитарный университет, 125993, ГСП-3, Миусская площадь, д. 6, Москва, Российская Федерация

E-mail: arkobzev@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2935-7794

ЦИТИРОВАНИЕ: Виноградов А.В., Кобзев А.И. (2021). Российское китаеведение: современное состояние и основные проблемы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 6. С. 73–91.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-4

Статья поступила в редакцию 28.10.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье дан краткий обзор истории российского китаеведения, его разделения в советский пе-

риод на традиционную синологию и советскую китаистику, занимающуюся изучением современного Китая, со-

ответствующего формирования двух научных центров (в Ленинграде и Москве), создания Института китаеведения и Института Дальнего Востока РАН, определены основные направления их исследований и место китаеведения в советской партийно-политической науке. Перечислены и оценены наиболее важные достижения российского китаеведения в постсоветский период, указаны его редкие мировые рекорды, а также основные трудности и проблемы развития после 1991 г., взаимоотношения институтов РАН востоковедного профиля и научного сообщества с властью. Особое внимание уделено отношениям внутри китаеведческого сообщества, прослеживается грань между учеными и экспертами, профессиональными китаеведами и интересующимися Китаем представителями не-китаеведческого сообщества, указаны критерии отличия ученых и экспертов. Рассматриваются основные вызовы китаеведению и общественным наукам в XXI в. в целом, место в отечественном китаеведении интернет-сообществ, состояние китаеведения в Сибири и на Дальнем Востоке, направления его возможного развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китаеведение, китаистика, синология, китаеведение и власть, интернет-сообщество, ученые и эксперты, институты РАН.

История и достижения

Российское китаеведение, понимаемое в широком смысле как китаистика, насчитывает более 400 лет и по праву считается одним из старейших в Европе и мире (см. [Мамаева, 2014, с. 5–13; Кобзев, 2016, с. 83–86]). К началу XX в. Россия уже имела большой корпус не только источников, но и научных работ, а также словарей и карт. Характерной

чертой дореволюционного китаеведения была исключительно высокая роль Русской православной церкви, прежде всего в лице Духовной миссии в Пекине, что предопределило его сфокусированность на историко-культурных и духовно-гуманитарных аспектах развития Китая (подробно см. [Скачков, 1977]).

После Октябрьской революции главное внимание стало уделяться социально-экономическим и политическим проблемам, отвечающим задачам Советского государства на международной арене, в т. ч. на Востоке (см. [Чудодеев, 1968]). Произошло естественное разделение отечественного китаеведения на два направления: традиционное, в Ленинграде, и современное, с центром в Москве, в непосредственной близости к ЦК и органам государственной власти, заинтересованным не только в оперативном получении информации, но и в научном осмыслении происходящих в Китае процессов (см. [Кобзев, 2016, с. 330–390]).

Изучение современного Китая стало партийно-политической наукой в не меньшей, а, возможно, даже в большей степени, чем изучение развитых капиталистических стран. После войны исследования США и Западной Европы должны были доказывать неизбежность гибели капитализма, объясняя его жизненность не только научно-техническим превосходством, но и экономическими, социальными и прочими достижениями, а также вести мониторинг состояния и проблем наиболее вероятного противника, а изучение КНР – в первую очередь неизбежность скорой победы социализма в большинстве регионов мира, прежде всего в отсталых афро-азиатских обществах. В этом отношении китаеведение имело выраженный методологический характер и возвышалось над прочим востоковедением.

Советско-китайский раскол выдвинул изучение Китая на передний план

идеологической борьбы. Происходившие в Китае процессы показали, что формируется еще один крайне опасный вызов марксистской картине мира и идеологической платформе КПСС. Интерес советского государства к Китаю возродился на новом, еще более высоком уровне.

С этой целью закрытый по настоянию КНР в 1960 г. Институт китайоведения АН СССР был воссоздан в 1966 г. под камуфлирующим специфическую направленность на Китай наименованием Институт Дальнего Востока АН СССР и с двойным подчинением: Академии наук и ЦК КПСС. По всей стране для него собирались кадры, для которых в столице были созданы привилегированные условия – зарплата, надбавок, жилья [Титаренко Михаил Леонтьевич, 2017]. Государство в первую очередь интересовало текущие социально-экономические и политические процессы; в результате китайоведение по конъюнктурным соображениям получило институциональное разделение: в ИДВ занимались преимущественно современным, а в Институте востоковедения (ИВ) АН СССР – традиционным Китаем (до провозглашения КНР в 1949 г.). В Институте китайоведения, существовавшем с 1956 по 1960 г., такого разделения не было. Более 10 лет ИДВ существовал исключительно как институт Китая, поставлявший качественную научную и информационно-аналитическую продукцию ЦК и другим органам власти. Возглавил ИДВ первый заместитель заведующего Отделом социалистических стран ЦК КПСС (на тот момент Ю.В. Андропова), известный китайовед М.И. Сладковский, лично участвовавший в межпартийных контактах еще до войны.

Институт был обласкан властью, которая в тот период уделяла особое внима-

ние всем общественным наукам, представлявшим научное или как минимум наукообразное обеспечение политике. Китайские отклонения от марксистских догм в советском изводе требовали не только критики с ортодоксальных или политически мотивированных позиций, но и глубокого понимания причин происходящего, невольно создавая условия для критического отношения к самому марксизму¹. Несмотря на оформившееся разделение на институциональном уровне, китайоведение продолжало развиваться как единый научный комплекс, лучшие представители которого не прерывали связи между древностью и современностью. Значительную роль в этом играла система подготовки кадров. Решением директивных органов, обусловленным началом идеологической полемики с КПК после судьбоносного XX съезда КПСС, в 1956 г. одновременно с академическим Институтом китайоведения были созданы школа-интернат № 11 с углубленным изучением китайского языка и элитарный вуз – Институт восточных языков при МГУ (ныне ИСАА МГУ). Немногочисленным студентам последнего в группах, не превышавших 6–8 человек (при ныне утраченной нормативной комплектации в 5 человек), читали лекции ведущие советские ученые, в т. ч. по истории Древнего Китая, плохо вписывавшейся в марксистские схемы. Реалии современного Китая часто им тоже противоречили. Специалисты по современному Китаю знали его древнюю и средневековую историю (хотя бы в пределах университетского курса) и вынуждены были искать способы объединить разнородные и противоречивые элементы там и тут в общую историческую картину.

Политического свободомыслия у китайоведов было, вероятно, меньше, чем у американистов, но сомнений в

1 В этом отношении китайоведение было похоже на американистику, вынужденную объяснять отсутствие кризиса капитализма и его гибели. Создание Института США и Канады АН СССР произошло на год позже – в 1967 г.

безупречности марксизма применительно к Китаю как минимум столько же, а потенциал критического отношения к нему опирался еще и на тысячелетний опыт китайской цивилизации. Общественное развитие Китая после 1949 г. их регулярно подпитывало. Значительную роль в этом играли специалисты по традиционному Китаю, которые ничего марксистского в его истории, как правило, не видели и иногда прозрачно намекали на это. Одной из легальных форм коррекции истматовской «пятичленки» в применении к не согласующемуся с нею Китаю стала дважды возникавшая в СССР (в 1920–1930-е и 1960-е годы) дискуссия о такой туманной концепции марксизма, как азиатский способ производства. У китаеведов, таким образом, была своя идейная ниша, которая могла бы вырасти до размеров целой теории со своими понятиями, категориями и законами общественного развития, если бы не искусственное разделение на азиатскую древность и марксистскую современность. (Продолжая аналогию с зарубежными полюсами и референтными точками советского обществознания, можно сказать, что у американистов тоже была своя теоретическая ниша – западные общественные науки, прежде всего политология, экономика/экономикс и социология.) В целом изучение КНР было интересно, престижно и высоко оплачивалось, что косвенно отражалось на статусе и состоянии традиционного китаеведения.

Изучение Китая в СССР являлось неотделимым от политической жизни страны в большей степени, чем остальные страноведческие или регионоведческие науки, может быть, за исключением изучения США. Китай всегда был великой державой с населением, по численности сопоставимым со всем западным миром в целом, что сделало КНР сначала крупнейшим и ближайшим

союзником Советского Союза, а потом принципиальным оппонентом и противником. Китаеведение постоянно находилось в фокусе внимания политического класса, тем сложнее для него оказалось пережить резкое понижение статуса всех общественных наук в деидеологизированном государстве и потерю интереса к себе со стороны власти. Смена идеологической ориентации привела к тому, что многие американисты после 1991 г. ушли в российскую политику, а у китаистов таких идеологических преимуществ не было – оставались бизнес и наука, в т. ч. за рубежом.

Как и другие обществоведческие институты, ИДВ оказался неприспособлен к существованию в рыночных условиях. Китаеведам помог рост Китая, который поддержал к нему интерес, но уже со стороны общества, а не государства. Это, естественно, был другой интерес – к экзотике Востока, а также к получению прикладных знаний и образования. Изменилась социальная роль китаеведения, которое уже не эксплуатировалось властью, требовавшей эксклюзивного по качеству продукта, предполагавшего монопольно высокую цену и высокие профессиональные критерии, а вынуждено было искать способы выживания и самоокупаемости. На рынок первыми вышли не самые компетентные, а самые предприимчивые, как правило, из тех, кто плохо вписывался в ткань профессионального сообщества. Успешная адаптация к рынку предполагала простые подходы, что открыло путь к неряшливости, халтурности и нечистоплотности, породив массу низкопробной продукции (см., например, [Ульянов, Тертицкий, Филонов, 2006; Кобзев, 2016, с. 159–280]).

Вместе с тем на постсоветское время пришлись и крупные успехи в китаеведении. В СССР в рамках единого государственного механизма существовало разделение труда, академическая наука

была преимущественно аналитической, ориентированной на социальный и политический заказ. После 1991 г. государственный заказ сокращался, постепенно открывались возможности заниматься фундаментальными проблемами, которые продемонстрировали высокий уровень отечественной китаистики. В результате были реализованы 5 крупных коллективных проектов, отражавших объективные возможности и личные предпочтения руководителей. Директор ИДВ РАН М.Л. Титаренко использовал ресурсы подведомственного института и личный интерес для подготовки энциклопедии «Духовная культура Китая». Проект замыслился и реализовывался в китайском стиле – от малого к большому, и в итоге из скромного двухтомника вырос в объемный шеститомник [Титаренко, 2006–2010]. Начало ему положил энциклопедический словарь «Китайская философия» [Титаренко, 1994]. Инициатор проекта М.Л. Титаренко, обеспечивший его ресурсную базу, создатель концепции и ведущий автор А.И. Кобзев и организатор исполнительских работ А.Е. Лукьянов получили за него Государственную премию России за 2010 г. (см. [Кобзев, 2016, с. 57–65]). Необходимо отметить, что значительную часть финансирования проекта взяла на себя китайская сторона. Подаренный Президентом РФ председателю КНР комплект был издан на деньги китайского посольства в Москве, о чем Д.А. Медведев узнал совершенно случайно, уже после церемонии, и что постарался компенсировать, выделив целевой грант в ответ на переданное ему на церемонии награждения в 2011 г. А.И. Кобзевым письмо о развитии отечественного китаеведения. Попытка осуществления подобного проекта в виде десяти томной «Энциклопедии китайской истории и культуры» силами мировой синологии в кон-

це 1980-х годов не увенчалась успехом, и российский проект до сих пор не имеет аналогов не только в Китае, но и в мире.

Его успех вдохновил академика С.Л. Тихвинского начать большой академический проект по созданию десяти томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI в.» [Тихвинский, 2013–2017]. В подготовке издания приняли участие все ведущие китаеведы России, работа велась сначала при минимальном, а затем и вовсе без бюджетного финансирования. Как и в случае с энциклопедией, китайская сторона взяла на себя значительную часть расходов по публикации. До этого такие многотомные издания были подготовлены только в Великобритании и Японии.

Несмотря на недостатки в реализации обоих проектов, они стали итовыми для развития отечественного китаеведения к началу XXI в. Они явили собой не просто систематизацию знаний, но и во многих частях полноценную научную работу. Так, в первый том были включены результаты новейших археологических открытий [Деревянко, 2016]. А в процессе подготовки девятого тома выяснилось, что информация Ежегодников КНР и многочисленных сборников по внутренней политике и идеологии содержала весьма вольную интерпретацию событий общественно-политической жизни Китая конца 1970-х – начала 1980-х годов, которая соответствовала ожиданиям инстанций, но была далека от реального положения дел [Виноградов, 2016].

Третий крупный проект – публикация серии документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай» в пяти томах и восьми книгах, подготовленной в сотрудничестве со Свободным университетом Берлина [Титаренко, Лейтнер, 1996–2007]. О значении этого издания для мировой исторической науки говорит ее перевод на китайский и немецкий языки. Эн-

циклопедия «Духовная культура Китая» также полностью переведена на китайский язык, будучи включенной в число приоритетных научных проектов КНР, как и начатый перевод с комментариями десятитомной «Истории Китая» [Виноградов, 2019].

Четвертый крупный проект, еще более длительный по срокам реализации, занял четыре десятилетия. Это публикация первого на европейском языке полного и научно прокомментированного перевода в девяти томах перво-разрядного памятника китайской истории и культуры «Ши цзи» («Исторические записки» или «Записки летописца-астролога», I в. до н.э.) отца и сына Сыма [Сыма Цянь, 1972–2010].

Пятый крупный проект, самый долгий и многострадальный, – растянувшееся почти на полвека эпохальное издание полного перевода наиболее полного текста «Цзинь, Пин, Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе», конец XVI – начало XVII в.), оригинальнейшего из великих китайских романов. Всю основную работу еще в 1960-е годы самоотверженно проделал доцент ИВЯ/ИСАА В.С. Манухин (1926–1974) – в ту пору без всякой надежды на публикацию этого первого для Западного мира перевода (вновь, как и в случае «Ши цзи» – на русском языке). После его смерти в 1977 г. увидела свет лишь половина текста, к тому же наполовину самоуправно переделанная редактором. Лишь в постсоветское время, благодаря многолетним усилиям целого коллектива авторитетных синологов, уникальный перевод, доделанный и дополненный подробными примечаниями, пространными приложениями и редкими иллюстрациями, увидел свет в пяти книгах [Цзинь, Пин, Мэй, 1994, 2016].

Следует также отметить успешную реализацию многолетнего индивидуального проекта Н.П. Свистуно-

вой, опубликовавшей в четырех томах полный и подробнейшим образом прокомментированный перевод одной из вершин юридической мысли традиционного Китая – Минского кодекса [Законы Великой династии Мин, 1997, 2002, 2012, 2019], что заняло более двух десятилетий, явилось мировым рекордом в своей области и удостоилось академической премии им. С.Ф. Ольденбурга в 2021 г.

Хуже обстоит дело с серией документов «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.» [Тихвинский, 1969], которая тоже могла бы стать крупным научным событием, но работа над ней несколько лет назад затормозилась на неопределенный срок по причине ухода из жизни основных исполнителей и руководителей.

По упомянутому целевому гранту в 2014 г. вышла коллективная монография «Основные направления и проблемы российского китаеведения», в которой дан обзор состояния и проблем изучения Китая в России по основным направлениям исследований [Мамаева, 2014]. В дополнивших это издание индивидуальных работах расширены тематический и исторический аспекты [Хисамутдинов, 2013; Дацышен, 2015; Кобзев, 2016]. Несмотря на появление замечательного библиографического справочника В.П. Журавлевой [Журавлёва, 2015], до сих пор, т. е. по прошествии времени большего, чем целый 60-летний цикл, так и не появилась библиография, сопоставимая с капитальным трудом П.Е. Скачкова [Скачков, 1960].

В настоящее время ведется работа над многотомной монографией «Современное китайское государство». Публикация первого тома «Основные институты государственной власти и управления» запланирована на 2022 г. Последующие тома будут посвящены КПК, малым демократическим парти-

ям и массовым общественно-политическим организациям, особенностям политической системы и политического процесса в КНР, влиянию цифровизации на общественную жизнь, проблеме коррупции, роли личных связей в политической жизни и т. д. Продолжают издаваться сборники документов, среди которых «Документы по истории Коммунистической партии Китая. 1920–1927» и др. Но подчеркнем, все это было достигнуто и продолжает создаваться усилиями преимущественно старшего поколения.

Открывшиеся на рубеже 1990-х годов возможности для работы в Китае, на Тайване и в США принесли свои плоды. Среди работ, подготовленных отечественными китаеоведами за рубежом и изданных в России, следует отметить монографии В.М. Крюкова и М.В. Крюкова [Крюков В.М., Крюков М.В., 2015; Крюков В.М., Крюков М.В., 2017] и др.

В общем, советское китаеведение оставило современному российскому изучению Китая хорошее духовное наследие, которое останется источником знаний для многих поколений, но которое, конечно же, нуждается в поддержании и развитии.

В 2011 г. один из авторов этих строк по аналогии с «великим восставлением наук» Ф. Бэкона (1561–1626) предложил президенту страны и научной общественности ряд мер по усовершенствованию отечественной китаистики: «1) Создание электронной базы данных “Русский Китай”, охватывающей все сведения о Китае, опубликованные на русском языке, с релевантными поисковыми программами. 2) Создание электронного и бумажного вариантов наиболее полного “Китайско-русского словаря” на базе рекордного в свое время “Большого китайско-русского словаря” (1983–1984). 3) Издание хотя бы одного научного журнала, всецело посвященного Ки-

таю. 4) Издание максимально полной энциклопедии “Культура/цивилизация Китая” на основе 6-томной энциклопедии “Духовная культура Китая” (2006–2010). 5) Издание подробной “Истории Китая”, возможно, посредством дополнения и русификации 15-томной “Кембриджской истории Китая” (проект начат в 1978 г.). 6) Перевод 24 томов “Науки и цивилизации Китая” (проект начат в 1954 г.) Дж. Нидэма. 7) Продолжение перевода, вслед за “Историческими записками” (“Ши цзи”) Сыма Цяня, остальных 24 официальных исторических сводов. 8) Полный перевод “Тринадцатиканония” (“Ши сань цзин”) и в первую очередь “Пятиканония” (“У цзин”). 9) Создание репрезентативной антологии китайской философии и соответствующего курса ее истории. 10) Радикальное пополнение основных специализированных библиотек и РГБ новейшими, прежде всего справочными, изданиями на китайском языке, в т. ч. в оцифрованном виде. 11) Создание китаистического телеканала и снятие препятствий для широкой трансляции русскоязычного канала центрального китайского телевидения. 12) Объединение всех значительно оскудевших сил отечественной синологии (в России и за рубежом) в рамках Синологической академии – принципиально нового, опирающегося в первую очередь на электронные средства коммуникации, института с научно-исследовательскими, культурно-просветительскими и педагогическими функциями, восполняющими разительную недостатку в российском синологическом образовании таких основополагающих для специальности курсов, как история китайской философии, история китайского искусства, архаические и стилизованные формы иероглифов, иероглифическая специфика оцифровки информации и др. 13) Реанимация маньчжуристики, тангутоведения, ки-

даневедения. 14) Пополнение чрезвычайно скудных китаистических экспозиций и фондов центральных музеев, изучение и организация выставок практически неизвестного в России современного китайского искусства. 15) Проведение регулярных и крупных исследовательских экспедиций в Китай и организация там постоянно действующих пунктов по сбору новейшей культурно-значимой информации. 16) Соучастие отечественных специалистов в создании китайских культурных центров в России и установлении соответствующих памятников и мемориалов» [Кобзев, 2011, с. 14–15].

По прошествии десятилетия эта программа, увы, остается полностью актуальной, хотя кое-какие позитивные сдвиги в указанных направлениях были сделаны. В частности, появился пока единственный на русском языке академический сайт Синология.ru² и единственный в России учебно-научный центр «Философия Востока» (РГГУ), дающий философско-синологическое образование; увидели свет четыре тома «Архива российской китаистики» [Кобзев, 2013–2016] и четыре сборника интервью с ведущими российскими китаеоведами XX–XXI вв. «Российское китаеведение – устная история» [Головачев, 2014–2020].

Состояние и проблемы

Расширение практических контактов усилило интерес к Китаю, а его экономические успехи очень скоро сделали практическое китаеведение не только модным и вновь престижным, но и хорошо оплачиваемым, породив, в частности, профильные коммерче-

ские вузы: в ИВ РАН – Восточный университет (ныне Институт стран Востока), выдворенный из своей альма-матер; в ИСАА МГУ – Институт практического востоковедения, также вынужденный покинуть родные стены и в 2015 г. окончательно погубленный очередной реформой образования. Рынок сформировал невзыскательный спрос. Переход к массовости неизбежно отразился на качестве кадров, китаеведение перестало быть элитарным. В третьем десятилетии XXI в. китайский язык изучают более чем в 100 вузах России, выпускаются десятки и сотни тысяч специалистов с разнокачественным знанием языка, уровень страноведческой подготовки которых в подавляющем большинстве крайне низок. Дефицит высокопрофессиональных страноведов главным критерием принадлежности к цеху сделал китайский язык и общекультурные компетенции, чего явно недостаточно для занятий научной деятельностью. Как следствие, снизилось количество и, особенно, качество аспирантов и соискателей и диссертационных исследований.

40 лет назад изучение китайского языка представляло наибольшую трудность для немногочисленных студентов. Престиж профессии обусловил высокую конкуренцию и тщательный отбор абитуриентов. Курсы по истории, экономике, культуре, политике Китая студентам читали лучшие в стране специалисты, число вузов было ограничено, а концентрация профессионалов в них была очень высокой. Так, в 1980-е годы в ИСАА преподавали Д.Н. Воскресенский, Т.П. Задоев, М.С. Капица, А.М. Карапетянц, М.В. Крюков, Л.Д. Позднеева, В.В. Малайкин, А.А. Писарев, Тань Аошуан, Хуан Шуин, М.Ф. Юрьев и др. Сейчас немногочисленные профессионалы разбросаны

² <https://www.synologia.ru/>

ны по многим столичным и провинциальным вузам, в результате концентрация знаний и интеллектуальных ресурсов снизилась, что негативно отразилось и на науке, и на преподавании.

Но главный недостаток вузовского Китаеведения сейчас – отсутствие качественных учебников по современному Китаю. Проблему пытаются решить на местах за счет использования китайских учебных материалов и продукции Институтов Конфуция, изначально предназначенных для освещения и пропаганды китайского опыта, распространения китайской «мягкой силы», но непригодных на роль объективных носителей информации о современном Китае как по тематике, так и по форме изложения. Выросло целое поколение китаистов, часто хорошо знающих китайский язык, но почти ничего не знающих о подлинном Китае. Зачастую этот дефицит они компенсируют личными впечатлениями или сообщениями бывалых людей, лидеров мнений, авторитетных гуру, но не подвергают научному анализу, т.е., иначе говоря, понимают Китай на бытовом, но не на политическом, идеологическом и экономическом уровнях.

Следствием этих процессов стали три тревожных явления. Во-первых, не все профессиональные Китаеведы, оказавшись в непрофессиональной среде, смогли сохранить высокие стандарты качества. Профессиональное сообщество выполняло функции естественной, внутренней экспертизы, существенно повышая качество работ. Масса диссертаций по Китаю защищается сейчас людьми, не знающими китайский язык и оторванными от оригинальных источников, в диссертационных советах, не имеющих Китаеведов. Экспертные советы ВАК не могут компенсировать их отсутствие. В результате появляются специалисты с дипломами ученых высшей квалификации по проблемам, отсутствующим

щим в Китае, например, развития гражданского общества в КНР.

Во-вторых, перетекание ведущих Китаеведов из Академии наук в вузы и рост исследований по Китаю не привели к появлению соответствующего числа новых Китаеведческих центров, что, конечно, сказывается на системности изучения.

Наконец, произошел новый раскол, на этот раз по поколениям. Конкурентное преимущество советских студентов по сравнению с западными заключалось в понимании базовых принципов организации и функционирования марксистского государства в Китае, напрочь утраченное современным поколением, не знающим «азбучных истин» марксизма, истории коммунистического движения и т. д. В этом кроется объяснение крайне тяжелого положения, сложившегося в изучении КПК и внутренней политики КНР. Сегодня в России нет ни одного профессионального Китаеведа, который бы занимался современной китайской компартией. Этот вакуум заполняют горе-эксперты, хорошо уловившие конъюнктуру и формирующие общественное мнение, в т. ч. в образовательной среде и среди нового поколения китаистов. В качестве примера можно указать на весьма активную публицистическую и публикаторскую деятельность таких китаистов, как А.П. Девятков (П.А. Гваськов) и Н.Н. Вавилов, ставших мистификаторами от синологии и спекулирующих на чрезвычайной сложности понимания современного Китая, которое требует объемного знания не только иероглифики в полном и сокращенном написании, но и традиционной философии, истории и культуры в целом, а также аутентичного марксизма, его советской и китайской модернизаций наряду с современными социально-экономическими теориями и практиками, взятыми на вооружение китайскими руководителями и предпринимателями.

Конкурентное преимущество советской школы частично было реализовано в трех томах по истории КНР [Мамаева, 2013; Галенович, 2017; Виноградов, 2016], где изложены обстоятельства создания КПК и победы китайских коммунистов в гражданской войне, события «большого скачка» и «культурной революции», показан процесс экономических реформ, создания новой экономической реальности из централизованной, плановой экономики.

Несмотря на то, что фундаментального, сопоставимого с энциклопедией «Духовная культура Китая» и «Историей Китая» труда по экономике и внешней политике КНР создано не было, свою миссию старшее поколение китаистов продолжает выполнять [Островский, 2020; Островский, 2015; Портяков, 2017; Лукин, 2013; Воскресенский, 2019]. Проблема в том, что этими знаниями нужно владеть и уметь пользоваться, а их понимание для нынешнего поколения представляется крайне сложной, практически неподъемной задачей.

После того как государство ушло из китаеведения³, из идеологической науки, входившей в число государственных приоритетов, последнее за 10–20 лет превратилось в удел энтузиастов, либо продолжающих профессиональную траекторию и реализующих потенциал советского прошлого, сохраняя традиции, либо зарабатывающих деньги и тратящих их на свое хобби, без большого потенциала к развитию, расширению тематики, крупным системным обобщениям и высокой публикационной активности, требующих полной самоотдачи. Значительная часть нового поколения специалистов по Китаю жизненно не связана

с китаеведением, вынуждена тратить много времени на другие занятия и может в любой момент уйти из науки. Это естественное состояние в обществе, где престижно быть богатым, а не умным и профессиональным.

С разделением китаеведов на поколения тесно связана еще одна проблема, общая для всего современного страноведения. Традиционно в изучении современности удельный вес глубокого понимания, формулирования закономерностей был меньше, чем сбор информации, добывания и систематизации фактических знаний. Объективно это сближало экспертное и научное сообщества. В советский период существовало разделение на экспертов-практиков и ученых, однако между ними пролегла тонкая грань. К последним обращались при решении крупных, фундаментальных задач, определении долгосрочной стратегии, где отличие ученого и эксперта было хорошо заметно. Вместе с тем через работу в аппарате ЦК прошли многие ведущие ученые, специалисты по современности. Их работа в ЦК была, в частности, признанием высокого научного статуса и академических заслуг. Современное государство очень часто не способно, не нуждается или не хочет этого понимать. Сегодня нам ничего не известно о существовании в Администрации Президента и других высших органах государственной власти ученых и экспертов, профессионально занимающихся Китаем, как, вероятно, и других страноведов.

Из советского прошлого мы знаем, что даже наличие высококлассных профессионалов в аппарате ЦК (а через него прошли многие ведущие китаеведы – как ученые, так и дипломаты высокого уровня) не гарантирова-

3 Габуев А. (2014). Государство ушло из китаистики // Коммерсант. 20 октября 2014 // <https://www.kommersant.ru/doc/2589700>, дата обращения 27.10.2021.

ло их влияния на первых лиц и принимаемые ими решения, особенно в горбачевский период. Поэтому среди ведущих востоковедов бытует совсем пессимистическое мнение: «В России наука никогда не рассматривалась властью серьезно в качестве важного ресурса по оптимизации социально-управленческих практик» [Зеленев, Касевич, 2011, с. 171]. Но все-таки они выполняли важную внутреннюю функцию – осуществляли экспертизу и способствовали развитию соответствующих научных направлений. Велика их роль была и в решении кадровых вопросов. Трудно представить ситуацию, чтобы в советское время ведущий научно-аналитический центр на стратегическом направлении внешней политики мог возглавить человек без востоковедного образования и знания иностранных языков, затем специалист по восточным единоборствам с сомнительной научной репутацией, а сейчас специалист по одному из африканских языков⁴. Государство может возвратиться в науку, но пока только неуклюже вмешивается. Самоорганизоваться на другой платформе китаеведение пока не может прежде всего потому, что исторически оно складывалось как государственная наука, а до сих пор не сформировался социальный заказ на высококачественную продукцию. В этих условиях талантливые молодые китаеведы уезжают за границу. Мировое китаеведение – сегодня высокооплачиваемая и поэтому высококонкурентная среда, которая забирает лучших.

В общем, объема фактических знаний о Китае в современной России стало больше, а понимания, вероятно, меньше.

Вызовы и перспективы

Помимо текущих проблем, у которых есть решения, но по разным причинам, прежде всего из-за отсутствия внятной государственной политики, они не воплощаются в жизнь на практике, китаеведение сталкивается с целым рядом фундаментальных вызовов, общих для всего страноведения и обществознания в целом.

На институциональном уровне. В сильном государстве инициативы снизу пробиваются с трудом, преодолевая инерцию, но одновременно подвергаясь мощному профессиональному фильтру. Трудный процесс рождения нового усиливается бюрократической культурой, которая подразумевает персональную ответственность на всех уровнях. В слабом государстве ответственность и профессионализм невысоки или отсутствуют, а эффективность не входит в критерии оценки госчиновников. Советская школа китаеведения не в состоянии поддерживать традиции на институциональном и организационном уровне. Старые научно-исследовательские центры, ориентированные на государство, приходят в упадок, новые недолговечны по причине непрофессионализма кадров и отсутствия социального заказа. Все это усугубляется сменой поколений, которая фактически началась во втором десятилетии XXI в., была неизбежной и в значительной степени зависела от уходящих руководителей.

Альтернативы ведущим научным центрам по современному Китаю в России не появилось. Вместе с тем естественный процесс формирования научных центров идет, преж-

4 Чем Россия повернулась на Восток (2021) // Эксперт. 1 февраля 2021 // <https://expert.ru/2021/02/1/chem-rossiya-povernulas-na-vostok/>; Астафьева Т. (2021). Новым директором ИДВ назначен управленец и полиглот // Независимая газета. 25 октября 2021 // https://www.ng.ru/наука/2021-10-25/100_2110211530.html, дата обращения 27.10.2021.

де всего на Дальнем Востоке и в Сибири, конкурентным преимуществом которых является географическая близость к Китаю, интенсивное трансграничное сотрудничество, в т. ч. между вузами, и, как следствие, хорошее знание китайского языка местными страноведами, богатая практика личного общения и опыт. Китайское направление в дальневосточных вузах является наиболее востребованным и престижным, открывает путь к высокооплачиваемой работе, что дает возможность отбирать лучших абитуриентов. Параллельно формируется и ориентированный на практику интерес к торгово-экономическому сотрудничеству, его правовому сопровождению, к истории двусторонних отношений на местном уровне, трансграничным контактам, региональной экономике и т. д. В общем, примерно так же, с потребностей практики – с окормления православных верующих – начиналось отечественное китаеведение. На Дальнем Востоке и в Сибири есть профессиональные китаеведы, но говорить о формировании научно-исследовательских центров и научных школ всероссийского уровня еще, вероятно, не приходится, это задача 20–30 лет и двух-трех поколений, как и положено для научной школы. Процесс перемещения китаеведения из столиц на восток набирает силу, хотя идет очень неравномерно по регионам и тематике.

На уровне кадров. Проблемы в провинции те же, хотя акценты расставлены по-другому. В китаеведение ринулись не только любители, но и вполне заслуженные ученые-некитаеведы. Изобрести колесо или велосипед получается не у всех, и тогда начинаешь понимать и ценить значение и роль научных традиций.

Участие в исследованиях Китая ученых со степенью значительно усложняет дело. Нарботанные ими на дру-

гом, западном, материале схемы и курсы негативно сказываются на молодых китаеоведах, которые не получили хорошей страноведческой подготовки, прочных, полных и достоверных знаний и, главное, не овладели профессиональным дискурсом, подвержены влиянию ошибочных представлений и мнимых авторитетов. У новоявленных китаеведов появляются ученики, которые знают китайский и поэтому чувствуют себя более уверенно, чем их учителя, но далеки от золотого стандарта качества. Восполнение недостатков вне признанных научных центров в обозримый период практически невозможно.

Вместе с тем растет количество публикаций, взаимных ссылок и фундированность их работ, т. е. появляются все формальные показатели научной школы. Признанные авторитеты остаются выше критики любителей, которые стихийно формируют новую среду и начинают в силу своей многочисленности и мотивированности, присутствия в СМИ оказывать влияние на формирование общественного мнения и власть. Это во многом благодаря им у нас до сих пор распространены опасения массовой миграции китайцев на Дальний Восток и другие благоглупости.

Все они болезненно относятся к каждому упоминанию о своей некомпетентности. Им проще сформировать свое китаеведение–2.0, чем доказывать состоятельность в профессиональном сообществе.

В последние годы его формированию способствуют новые средства коммуникации, которые старшее поколение китаеведов не освоило в достаточной степени. Не только начинающие аспиранты, но и кандидаты и доктора наук формируют большие неформальные объединения в масштабах всей страны, считают своим долгом просветить общественность и изложить свои взгляды на Китай. Изоли-

ровавшись от возможной критики, они чувствуют себя комфортно и уверенно. Параллельное китаеведение оккупировало СМИ, интернет-пространство, а часто и аналитическое сопровождение власти. И это объективная реальность, с которой приходится считаться.

Впервые в истории писателей стало больше, чем читателей. В результате их «творчества» получается фэнтези – с персонажами, имеющими реальных прототипов, но деформированных до гротеска мультяшной логикой.

Таким образом, сегодня в России можно выделить академическое китаеведение, китаеведение экспертов со знанием языка и иногда страноведческим образованием, есть еще китаеведение некитаеведов со степенями и смутными представлениями о предмете исследования.

Достоинство некитаистов в том, что они могут и ставят крупные, фундаментальные проблемы, способствующие сближению проблематики обществоведения и китаеведения, которое по-страноведчески остается научно периферийным. Китаеведение до сих пор не имеет большой теории, как и другое страноведение, выглядит полуприкладным знанием, питательной средой для больших теорий. Но перспектива формирования новых больших концепций у китаеведения, как и всего востоковедения, не только применительно к древности, на наш взгляд, есть. В этом методологическое значение изучения современного Китая и китайского исторического опыта. Важную роль в этом должно сыграть сотрудничество и объединение усилий всех поколений.

Необходимо признать, что у китаеведов старшего поколения нет ни монополии, ни возможности для изучения таких новых сфер, как влияние информационных технологий и искусственного интеллекта на общество, цифро-

вые финансы, сетевое общество, зеленая экономика и зеленый переход и т. д. Новыми поколениями будут создаваться новые методы и научные парадигмы [Кун, 1977]. Вопрос заключается в том, чтобы сохранить преемственность, связь между старым и новым китаеведением, признавая, что у каждого нового поколения есть и автономность, и свои исключительные сферы исследований.

Необходимо также признать, что функции общественных наук изменились, во всяком случае, в нашей области. На протяжении длительного времени наша наука выполняла экспертные функции, востребованные государством. Трудности в получении информации делали ученых наряду с практиками также и естественными носителями этих функций. Сбор информации был одной из важнейших задач, которая занимала львиную долю времени и сил. В условиях массовой информатизации и цифровизации эти задачи качественно упростились. Теперь нет никакой необходимости держать для этого специальный исследовательский штат. Любой может собрать необходимую информацию в зависимости от желания, времени и т. д. В китаеведении это совпало с появлением многочисленного класса любителей. В России, вероятно, нет такого развитого интернет-сообщества с десятками, если не сотнями анонимных телеграмм-каналов по Индии, Японии, Великобритании, Германии и даже США, как по Китаю. Их существование при всех недостатках является уникальным и ценным источником первичной информации.

В сфере экспертных компетенций у академических ученых очень много конкурентов, во всяком случае по части информированности. Сегодня авторитет и влияние формируются в публичном пространстве, в котором точные, но сложные объяснительные схемы не котируются и не воспри-

нимаются сознанием, воспитанным на формате ток-шоу. Разве волнует общественное мнение, например, природа власти в Китае, эволюция авторитарного режима, функциональные отличия политической системы КНР 1950-х и 2000-х гг.? И власть, и общество интересуют другие, прикладные вопросы, которые, как правило, решаются в одно, максимум два действия, нет потребности в глубоком анализе, что объясняет периферийный для власти характер науки, в нашем случае китаеведения.

Для принятия решения власти достаточно экспертного мнения. Связано это с тем, что ныне в России и западных странах у политического класса отсутствует стратегическая культура, которая была утрачена вместе с распадом биполярной системы миропорядка. А новая так и не появилась. Но в долгосрочной перспективе экспертное мнение журналистов и практиков никогда не сможет заменить научное знание. В длительной перспективе государства, которые не интересуются фундаментальными проблемами, проигрывают. Критерии отличия экспертов и ученых – знание и понимание. Только понимание дает возможность улавливать тенденции, определять закономерности и делать прогноз. Надежный и стабильный мир – это мир предсказуемый, т. е. познанный, а Китай не познан и без науки не может быть понят.

С точки зрения естественников, все обществоведы – теоретики, потому что не проводят экспериментов, а вся теоретическая наука, не имея прямого выхода на практику, традиционно себя не окупает. В нашей науке есть прикладная составляющая, через экспертизу китаеведение имеет выход на практику и может окупаться, но только если власть сможет ее понимать.

Наконец, есть сильный дисбаланс в организации научных исследований в России. Главное внимание тра-

диционно уделяется Западу, его истории, экономике, политике, культуре. На десятки институтов, которые занимаются Западом, приходится всего три, занимающихся Востоком: Институт востоковедения, Институт Африки и Институт Дальнего Востока РАН. Два мира, один из которых больше по численности и разнообразию, и такой дисбаланс. Причины этого в том, что Россия явно или неявно считает себя принадлежащей к Западному миру, который до сравнительно недавнего времени был более важен, динамично развивался, но сейчас ситуация меняется.

Китаеведение нужно менять. Из экзотической сферы знания оно должно стать частью мирового общественного знания, но не просто влиться и раствориться, а оплодотворить и дать начало новому. Китаеведы должны иметь свою точку зрения по многим принципиальным вопросам общественного развития, не только присутствующих в традиционной китайской философии, но и по вопросам, которые касаются современности. Ныне у отечественного китаеведения есть очевидный разрыв в проблематике с современной наукой – не только гуманитарной (экономикой, политологией, лингвистикой), но и точной и естественной (прежде всего компьютерной). Сейчас необходимо объединить традиционные исследования и современные институционально, восстановить исторически органичное состояние. Задача заключается в том, чтобы обеспечить преемственность, потому что новое вырастает из старого, иногда достраиваясь, иногда достраивая, иногда разрушая, но никогда не изолированно.

Список литературы

Виноградов А.В. (ред.) (2016). Реформы и модернизация: 1976–2009 // Тихвинский С.Л. (ред.) История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. Т. 9. М.: Наука.

Виноградов А.В. (2019). Конференция в Нанькайском университете «Российское китаеведение: традиции и современность» и первое заседание рабочей группы по переводу на китайский язык и изучению десяти-томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» // Проблемы Дальнего Востока. № 4. С. 171–173. DOI: 10.31857/S013128120006781-0

Воскресенский А.Д. (ред.) (2019). Модель развития современного Китая. Оценки, дискуссии, прогнозы. М.: Стратегические изыскания.

Галенович Ю.М. (ред.) (2017). Китайская Народная Республика: 1949–1976 // Тихвинский С.Л. (ред.) История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. Т. 8. М.: Наука.

Головачев В.Ц. (ред.) (2014–2020). Российское китаеведение – устная история: Сборник интервью с ведущими российскими китаеоведами XX–XXI вв.: в 4 т. М.: ИВ РАН, Крафт+, МАКС Пресс.

Дацышен В.Г. (2015). История русского китаеведения: 1917–1945 гг. М.: Весь Мир.

Деревянко А.П. (ред.) (2016). Древнейшая и древняя истории (по археологическим данным: от палеолита до V в. до н.э.) // Тихвинский С.Л. (ред.) История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. Т. 1. М.: Наука.

Журавлёва В.П. (2015). Библиография Китая: Философия и общественно-политическая мысль. Этика. Эстетика. Военная мысль. Мифология. Ре- лигия: 1958–2008. М.: Форум.

Законы Великой династии Мин со- сводным комментарием и приложе-

нием постановлений: Да Мин люй цзи цзе фу ли (1997, 2002, 2012, 2019) / Пер. Н.П. Свистуновой. Ч. 1–4. М.: Восточ- ная литература.

Зеленев Е.И., Касевич В.Б. (ред.) (2011). Введение в востоковедение. Об- щий курс. СПб.: КАРО.

«Китаевед – человек, который вла- деет китайским языком»: интервью д. п. н. А.В. Виноградова с дирек- тором Института Дальнего Восто- ка РАН, академиком М.Л. Титаренко (2018) // Лузянин С.Г. (ред.). Моя вто- рая родина Китай. Книга памяти об академике М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН. С. 414–475.

Кобзев А.И. (2011). «Столкновение цивилизаций» и «диалог культур» // Чудодеев Ю.В. (сост.) В потоке научно- го творчества. К 80-летию В.С. Мясни- кова. М.: Наука. С. 5–15.

Кобзев А.И. (сост.) (2013–2016). Ар- хив российской китаистики. Т. 1–4. М.: Восточная литература; ИВ РАН.

Кобзев А.И. (2016). Драмы и фарсы российской китаистики. М.: ИВ РАН.

Крюков В.М., Крюков М.В. (2015). Весна и осень революционной дипло- матии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 1: 1917–1922. Т. 2: 1922–1926. М.: Памятники историче- ской мысли.

Крюков В.М., Крюков М.В. (2017). КВЖД 1929: Взрыв и эхо. М.: ИВ РАН.

Кун Т. (1977). Структура научных революций. М.: Прогресс.

Лукин А.В. (ред.) (2013). Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-ки- тайских отношений. М.: Весь Мир.

Мамаева Н.Л. (ред.) (2013). Ки- тайская республика: 1911–1949 // Тих- винский С.Л. (ред.) История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. Т. 7. М.: Наука.

Мамаева Н.Л. (ред.) (2014). Основ- ные направления и проблемы россий-

ского китаеведения. М.: Памятники исторической мысли.

Островский А.В. (ред.) (2015). КНР: экономика регионов. М.: ИДВ РАН.

Островский А.В. (2020). Китай становится экономической сверхдержавой. М.: ИДВ РАН.

Портыков В.Я. (2017). Шэньчжэньский камертон. М.: ФОРУМ.

Скачков П.Е. (1960). Библиография Китая. М.: Восточная литература.

Скачков П.Е. (1977). Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука.

Сотникова И.Н., Верченко А.Л. (ред.) (2021). Документы по истории Коммунистической партии Китая: 1920–1927. М.: ИДВ РАН.

Сыма Цянь (1972–2009). Исторические записки: Ши цзи. Т. 1–9. М.: Восточная литература.

Титаренко Михаил Леонтьевич: текст интервью (2017) // Головачев В.Ц. (ред.) Российское китаеведение – устная история: Сборник интервью с ведущими российскими китаеоведами XX–XXI вв.: в 4 т. Т. 2. М.: ИВ РАН. С. 428–527.

Титаренко М.Л. (ред.) (1994). Китайская философия: энциклопедический словарь. М.: Мысль.

Титаренко М.Л. (ред.) (2006–2010). Духовная культура Китая: энцикло-

педия. Т. 1–6. М.: Восточная литература.

Титаренко М.Л., Лейтнер М. (ред.) (1996–2007). ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1–5 (8 кн.). М.: РОССПЭН.

Тихвинский С.Л. (ред.) (1969). Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.: материалы и документы. М.: Наука.

Тихвинский С.Л. (ред.) (2013–2017). История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. М.: Наука.

Ульянов Ю.М., Тертицкий К.М., Филонов С.В. (2006). Рецензия на: Маслов А.А. (2000). История китайской цивилизации. М.; Маслов А.А. (2003). Китай: Колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. М.: Алетейя; Маслов А.А. (2003). Китай: Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. М.: Алетейя // Восток. № 2. С. 196–203.

Хисамутдинов А.А. (2013). Дальневосточное востоковедение: Исторические очерки. М.: ИДВ РАН.

Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе (1994, 2016). Иркутск: Улисс; М.: ИВ РАН.

Чудодеев Ю.В. (ред.) (1968). Великий Октябрь и развитие советского китаеведения. М.: Восточная литература.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-4

Russian Sinology: Current Stage and Main Problems

Andrey V. VINOGRADOV

DSc in Politics, Head, Center for Political Studies and Forecasting
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 117997,
Nakhimovski Av., 32, Moscow, Russian Federation;
Professor
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 117198, Miklukho-Maklaya
St., 6, Moscow, Russian Federation
E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6080-4464

Artem I. KOBZEV

DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher, Center for the Study of Russian
Language, Literature and Culture
Heilongjiang University, 150080, Heilongjiang University, 74, Xuefu rd, Nangang
district, Harbin, China;
Head of the China Department
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 107031,
Rozhdestvenka St., 12/1, Moscow, Russian Federation;
Director of the Educational and Scientific Center for the Humanities and Social
Sciences, Head of the Department of Philosophy
National Research University "Moscow Institute of Physics and Technology", 141701,
Institutskiy per., 9, Dolgoprudny, Russian Federation;
Head of the Educational and Scientific Center "Philosophy of the East"
Russian State University for the Humanities, 125993, GSP-3, Miusskaya Sq., 6, Moscow,
Russian Federation
E-mail: arkobzev@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2935-7794

CITATION: Vinogradov A.V., Kobzev A.R. (2021). Russian Sinology: Current Stage and Main Problems. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 6, pp. 73–91 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-4

Received: 28.10.2021.

ABSTRACT. *The article gives a brief overview of the history of Russian Sinology, its division in the Soviet period into traditional Sinology and Soviet Sinology, which deals with the study of modern China, the corresponding formation of two scientific*

centers in Leningrad and Moscow, the creation of the Institute of Chinese Studies and the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, identifies the main directions of their research. The article describes the place of Sinology in Soviet

party and political science. The most important achievements of Russian Sinology in the post-Soviet period are listed and evaluated in the article, its rare world records are indicated, as well as the main difficulties and problems of development after 1991, the relationship of the institutes of the Russian Academy of Sciences of the oriental profile and the scientific community with the state authorities. Particular attention is paid to the relations within the Sinology community, a line is traced between scientists and experts, professional Sinologists and representatives of the non-Sinology community interested in China, the criteria for distinguishing between scientists and experts are indicated. The main challenges to Sinology and social sciences in the 21st century are considered, the place in Russian Sinology of Internet communities, the state of Sinology in Siberia and the Far East, directions of its possible development.

KEYWORDS: *sinology, China studies, sinology and the State, Internet communities, scientist and Experts, Institutes of the Russian Academy of Sciences.*

References

- Chudodeev Yu.V. (ed.) (1968). *The Great October and Development of Soviet Sinology*, Moscow: Vostochnaya literature (in Russian).
- Dacishen V.G. (2015). *A History of Russian Sinology: 1917–1945*, Moscow: Ves' mir (in Russian).
- Derevyanko A.P. (ed.) (2016). *The Most Ancient and Ancient History of China (Based on Archaeological Data: From Paleolithic till 5th century B.C.)*. *A History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21th Century*. Vols. 1–10, vol. 1 (ed. Tikhvinsky S.L.), Moscow: Nauka (in Russian).
- Galenovich Yu.M. (ed.) (2017). *People's Republic of China: 1949–1976. A History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21th Century*. Vols. 1–10, vol. 8 (ed. Tikhvinsky S.L.), Moscow: Nauka (in Russian).
- Golovachev V.C. (ed.) (2014–2020). *Russian Sinology. An Oral History. A Collection of Interviews with Leading Russian Sinologists of the XX–XXI Centuries*. Vols. 1–4, Moscow: KRAFT+, MAKSS Press. (in Russian).
- Jin, Ping, Mei or The Plum in the Golden Vase (1994, 2016). Vols. 1–4, Irkutsk: Uliss; Moscow: IV RAN (in Russian).
- Khisamutdinov A.A. (2013). *Far Eastern Oriental Studies: Historical Essays*, Moscow: IDV RAN (in Russian).
- Kobzev A.I. (2011). “The Clash of Civilizations” and “Dialogue of Cultures”. In *The Stream of Scientific Creativity. 80th Anniversary of V.S. Myasnikov* (ed. Chudodeev Yu.V.), Moscow: Nauka, pp. 5–15 (in Russian).
- Kobzev A.I. (ed.) (2013–2016). *Archives of Russian Sinology*. Vols. 1–4, Moscow: Vostochnaya literature (in Russian).
- Kobzev A.I. (2016). *Dramas and Farces of the Russian Chinese Studies*, Moscow: IV RAN (in Russian).
- Kryukov V.M., Kryukov M.V. (2015). *The Spring and Autumn Period of Revolutionary Diplomacy. The First decade of Soviet Policy in China*. Vols. 1–2. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli (in Russian).
- Kryukov V.M., Kryukov M.V. (2017). *China Eastern Railway 1929. Explosion and Echo*, Moscow: IV RAN (in Russian).
- Kuhn T. (1977). *The Structure of Scientific Revolutions*, Moscow: Progress (in Russian).
- Lukin A.V. (ed.) (2014). *Russia and China: Four Centuries of Interactions. History, Current State and Perspectives of Russian-Sino Relations*, Moscow: Ves' mir (in Russian).
- Mamaeva N.L. (ed.) (2013). *Republic of China: 1911–1949. A History of China from*

Ancient Times to the Beginning of the 21st Century. Vols. 1–10, vol. 7 (ed. Tikhvinsky S.L.), Moscow: Nauka (in Russian).

Mamaeva N.L. (ed.) (2014). *Main Trends and Problems of Russian Sinology*, Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli (in Russian).

Ostrovskii A.V. (ed.) (2015). *PRC: Regional Economy*, Moscow: IDV RAN (in Russian).

Ostrovskii A.V. (2020). *China Becomes Economic Superpower*, Moscow: IDV RAN (in Russian).

Portyakov V.Ya. (2017). *Shenzhen's Fork*, Moscow: Forum (in Russian).

Sima Qian (1972–2009). *The Records of the Grand Historian. Shi Ji. Vols. 1–9*, Moscow: Vostochnaya literature (in Russian).

“Sinologist Is a Man, Who Knows Chinese”: An Interview of A.V. Vinogradov with M.L. Titarenko (2018). *My Second Homeland China* (ed. Lukianov A.E.), Moscow: IDV RAN, pp. 414–475 (in Russian).

Skachkov P.E. (1960). *Bibliography of China*, Moscow: Vostochnaya literature (in Russian).

Skachkov P.E. (1977). *Essays on the History of Russian Sinology*, Moscow: Nauka (in Russian).

Sotnikova I.N., Verchenko A.L. (eds.) (2021). *Documents on History of the Chinese Communist Party: 1920–1927*, Moscow: IDV RAN (in Russian).

The Laws of the Great Dynasty Ming with Comments and Supplements: Da Ming lü ji jie fu li (1997, 2002, 2012, 2019) / Tr. by N.P. Svistunova. Parts 1–4, Moscow: Vostochnaya literature (in Russian).

Titarenko Mikhail Leontievich: *The Text of the Interview* (2017). *Russian Sinology. An Oral History. A Collection of Interviews with Leading Russian Sinologists of the XX–XXI Centuries*. Vols. 1–4 (ed. Golovachev V.C.), Moscow: IV RAN, pp. 428–527 (in Russian).

Tikhvinsky S.L. (ed.) (1969). *Russian-Chinese Relations in 17th–20th Centuries*, Moscow: Nauka (in Russian).

Tikhvinsky S.L. (ed.) (2013–2017). *A History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century*. Vols. 1–10, Moscow: Nauka (in Russian).

Titarenko M.L. (ed.) (1994). *Chinese Philosophy. Encyclopedic Dictionary*, Moscow: Mysl' (in Russian).

Titarenko M.L. (ed.) (2006–2010). *Spiritual Culture of China. Encyclopedia*. Vols. 1–6, Moscow: Vostochnaya literature (in Russian).

Titarenko M.L., Leutner M. (eds.) (1996–2007). *VKP(b), Comintern and China. Documents*. Vols. 1–5, Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Ulianov Yu.M., Tertitskiy K.M., Filonov S.V. (2006). *Review of Works A. Maslov. Oriens*, no 2, pp. 196–203 (in Russian).

Vinogradov A.V. (ed.) (2016). *Reforms and Modernization: 1976–2009. A History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century*. Vols. 1–10, vol. 9 (ed. Tikhvinsky S.L.), Moscow: Nauka (in Russian).

Vinogradov A.V. (2019). *Conference at Nankai University ‘Russian Sinology: Traditions and Modernity’ and the First Meeting of the Working Group on the Translation into Chinese and the Study of the Ten-Volume ‘History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century’*. *Problemy Dalnego Vostok / Far Eastern Studies*, no 4, pp. 171–173 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120006781-0

Voskressenski A.D. (ed.) (2019). *Contemporary China Development Model. Assessments, Discussions, Forecasting*, Moscow: Strategicheskie izyskaniya (in Russian).

Zelenev E.I., Kasevich V.B. (eds.) (2011). *Introduction in Oriental Studies. General Course*, Saint Petersburg: Karo (in Russian).

Zhuravleva V.P. (2015). *Bibliography of China: Philosophy and Social and Political Thought. Ethics. Aesthetics. Military Thought. Mythology. Religion: 1958–2008*, Moscow: Forum (in Russian).